

СМАРТ-КОНТРАКТЫ: ОБЗОР СТЕПЕНИ ИЗУЧЕННОСТИ В РОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Кобелев Н. К.

*Кобелев Николай Константинович – студент магистратуры,
направления юриспруденция,
Новосибирский юридический институт (филиал) Томского государственного университета
г. Новосибирск.*

Аннотация: в статье представлен обзор отечественной научной литературы, посвящённой смарт-контрактам. Актуальность темы заключается в плюрализме теоретических взглядов относительно их возможного правового положения. Цель автора статьи представить нынешнюю степень изученности темы читателям.

Ключевые слова: научная литература, смарт-контракт, блокчейн, программное обеспечение, сделка, договор.

Общественности известно, что смарт контракты изучаются с 90-х годов. Наиболее популярным автором, кто предложил концепцию смарт-контрактов, является ученый-криптограф Ник Сабо, опубликовавший в 1997 г. статью «Formalizing and Securing Relationships on Public Networks». В статье Он определил смарт-контракт, как совокупность обещаний в цифровой форме, включая протоколы, с помощью которых стороны исполняют данные обещания[1, с. 80].

Несмотря на давность заложения концептуального фундамента данной цифровой технологии, интерес к смарт-контрактам возрастал вместе с интересом к криптовалюте. Известно, что криптовалюта «bitcoin» была выпущена в 2009 году, а технология смарт-контрактов, на практике, стала применяться с запуском криптобиржи «Ethereum», в 2015 году, для обмена одноименной цифровой валютой. Актуальность изучения смарт-контрактов обосновывается тем, что на период 2022 года, правовое положение смарт-контракта не урегулировано во многих правовых системах. Исследователями в области электронно-цифрового права (киберправа, как его именуют в отдельных юридических исследованиях) представляется, что технология смарт-контрактов, блокчейна и других связанных электронных явлений, может быть применима не только в области обмена оборота криптовалют, но и в других общественных отношениях.

На родине Ника Сабо, в Соединённых Штатах Америки, правовое положение смарт-контрактов урегулировано. В 2018 году, обзор по данной теме представляет Н. В. Лукоянов, преподаватель московского государственного института международных отношений (сведений об учёной степени автора не имею). Федеральное законодательство США допускает возможность заключения смарт-контрактов. Исследователь обращает внимание на закон об электронных подписях в международной и национальной торговле (Electronic Signatures in Global and National Commerce Act), согласно которому смарт-контракты признаются электронной фиксацией договора. Так же автор обращает внимание на .единообразный закон об электронных сделках (Uniform Electronic Transactions Act), действующий в 47 штатах, округе Колумбия и Американских Виргинских островах. Закон устанавливает, что договору не может быть отказано в принудительном исполнении только потому, что он был заключён в электронной форме. А законодательство штата Аризона устанавливает, что договор, безопасность которого обеспечена технологией блокчейн, является договором, заключённым в электронной форме. Так же Лукоянов обращает внимание читателя на формирование концепции «lex electronics», некоторыми исследователями оно именуется киберправом [2, с. 33]. Так в пример он приводит существование суда в по интернет-спорам в Китае. Лукоянов считает, что смарт-контракты влияют на формирование обособленного, наднационального регулирования частноправовых отношений.

В романо-германской правовой семье возникают трудности с правовой квалификацией смарт-контрактов, в силу их юридической неопределённости. В данный период времени наблюдается отсутствие легального определения в законодательстве стран данной правовой семьи. В России дела обстоят таким же образом и продолжают споры в научном сообществе о юридической сущности смарт-контрактов.

В настоящее время, в научном сообществе единого понимания сущности смарт-контракта не сложилось. Смарт-контракт может рассматриваться как договор, компьютерный (программный) код или алгоритм (способ исполнения обязательств) или даже способ обеспечения исполнения обязательств. Так же рассматривается, как программа для электронно-вычислительных машин, что вызывает вопрос о соотношении смарт-контрактов с объектом охраны интеллектуальной собственности.

Определение смарт-контракта было предложено кандидатом юридических наук А.И. Савельевым. В статье 2016 года, «договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права», смарт-контракт рассматривается как соглашение сторон, в форме кода программы,

существующий в пределах технологии блокчейн, который обеспечивает самоисполнимость условий такого договора при наступлении заранее определённых в нем обстоятельств [3, с. 40].

Заслуживает внимание, опубликованная в 2021 году, монография под названием «Концепция правового регулирования отношений, осложнённых использованием смарт-контрактов» за авторством кандидатов юридических наук А.Я. Ахмедова, А.А. Волоса и Е.П. Волос. При её написании было использовано 244 источника, включая литературу на иностранном языке. В данной работе коллектив авторов рассматривают смарт-контракты всесторонне. Авторами даётся общая характеристика, как понятие, значение, сфера применения, субъектный состав и соотношение с другими договорными конструкциями. Тщательно рассматривается динамика правоотношения, при использовании смарт-контракта (совершение, прекращение) и особенности использования смарт-контрактов в отдельных договорных отношениях (потребительские, предпринимательские, корпоративные, государственные закупки. Коллектив предлагает определение: «смарт-контракт это запрограммированный договор, условия которого прописаны в программном коде и который автоматически исполняется с помощью блокчейна» [4, с 14].

Представляют полярные мнения отечественных и зарубежных исследователей смарт-контрактов на суд читателя. А так же фиксируют попытки государственных органов предложить легальное определение смарт-контрактам. Например, которое предложил Банк России, в Аналитическом обзоре по теме «Смарт-контракты», опубликованном в октябре 2018 году. Определение: «смарт - договор в электронной форме, определение и исполнение прав и обязательств по которому осуществляется путём совершения в автоматическом порядке цифровых записей в строго определённой им последовательности и при наступлении определённых им обстоятельств» [4, с. 23]. Определение, предложенное ЦБРФ, признания законодателем не получило.

Исследователи уверяют, что несмотря на громкие заявления в литературе и прессе, смарт-контракты не вытеснят юристов из договорного права и обосновывают почему этого не произойдёт, в частности это связано с «негибкостью» смарт-контрактов и рисками их использования. Отмечают, что смарт-контракт не определяет права и обязанности сторон [4, с. 41].

Изучается правовое положение смарт-контрактов относительно отечественного гражданско-правового законодательства. Авторы считают, что Смарт-контракт не влияет на определение типа и вида договора. Смарт-контрактом может выступать и договор купли-продажи, и договор аренды, и договор страхования, и многие другие договоры. Для определения типа договора (и соответственно, выбора норм части второй ГК РФ, подлежащих применению) не имеет значения тот факт, что договор заключён и исполняется по схеме смарт-контракта [4, с. 27]. Представляются достоинства и недостатки. Например, смарт-контракт гарантирует реальное исполнение обязательства, но не всегда может гарантировать надлежащее исполнение [4, с. 199]. Так же в качестве недостатков авторами выдвигается, что невозможно запрограммировать условия, связанные с оценочными понятиями, как разумная осмотрительность, явность, существенность [4, с. 132]. Для государств регулирование отношений смарт-контрактами в наднациональных системах невыгодно, поскольку государства не имеют доступа к смарт-контрактам, соответственно невозможно соблюдение публичных интересов. Авторским коллективом выдвигаются предположения о интеграции технологии в различные сферы человеческой жизни в будущем. Смарт-контракты могут применяться в сфере государственных закупок и других государственно-административных сферах, включая регистрацию недвижимости. Могут применяться в корпоративных отношениях: предлагается концепция устава юридического лица в форме смарт-контракта и проведение корпоративных голосований в упрощённой форме [4, с. 192]. Однако, Е.П. Волос отмечает что «дороговизна использования технологии блокчейн и смарт-контракта предопределяет тот факт, что вряд ли сфера их применения будет расширена на общественные отношения, которые возникают по поводу недорогих товаров, работ и услуг» [4, с. 44]. Выдвигаются предположения, что умные контракты могут применяться в избирательном процессе, даже в сфере здравоохранения [4, с. 51].

Противоположную позицию об успешности интеграции смарт-контрактов в различные сферы жизни, занимают доктор юридических наук, профессор, В.В. Кванина и кандидат юридических наук, доцент Н.Е. Савенко, в статье «Детерминация смарт-контракта в гражданском обороте», 2022 года. Они пишут, что нельзя забывать об исходной правовой природе смарт-контракта – договорной. Указывают, что в пример об избирательном процессе, данный процесс исключает договорные конструкции. Пишут, что избиратель, реализуя своё пассивное избирательное право, ни с кем не договаривается: проголосовать ему или не проголосовать и за кого проголосовать. По их мнению, это за пределами договорённости в силу установленной законом тайны голосования. Кванина и Савенко пишут, что в приведённых примерах из медицинской сферы (использование медицинских карт и исследований) также не наблюдается договорённости между медицинским учреждением и пациентом, поскольку вышеперечисленные действия – это административные обязанности учреждения по соблюдению медицинской тайны истории болезни пациента. По мнению Кваниной и Савенко, все вышеперечисленные примеры (приведённые в монографии под общей редакцией А. А. Волоса) использования смарт-

контрактов вне договорной области являются лишь частными примерами использования различных видов реестров системы блокчейн как баз данных в отдельных блоках. Предназначение таких реестров определяется целями и сферой использования. В связи с этим возводить смарт-контракт в ранг всемогущего инструмента цифровизации и придавать ему значение всеобщности и стандартизации во всех сферах общественной жизни как минимум видится надуманным. Исследователи приходят к выводам, что смарт-контракт, как продукт цифровизации и технологий обладает сложной и неоднозначной правовой природой, которая позволяет представить его одновременно как разновидность электронного договора, отдельную форму сделки (договора) и способ исполнения обязательства [5, с. 26].

В 2022 году, Е. В. Зайнутдинова (Сомова), защитила диссертацию на соискание научной степени кандидата юридических наук. Тема диссертации: «смарт-контракт в гражданском праве», рассматривает смарт-контракт уже не только как форму исполнения обязательств, а уже как гражданско-правовой договор (договорную конструкцию). Елизавета Владимировна определяет смарт-контракт, как консенсуальный договор двустороннего характера, для заключения и исполнения которого необходимо наличие двух сторон и он признается заключённым с момента достижения сторонами соглашения. Так же она отмечает, что смарт-контракт содержит условия, относительно которых достигнуто соглашение сторон, и не требует наличия иного договора, содержащего их права и обязанности [6, с. 73].

Диссертант предлагает дать легальное определение смарт-контракту. Рекомендует следующее: «смарт-контракт - договор, заключаемый в децентрализованной распределённой информационной системе, предусматривающий автоматизированное исполнение обязательств и опосредующий оборот цифровых прав и цифровой валюты» [6, с. 22]. Зайнутдинова считает, что в связи с появлением смарт-контракта требуются изменения в нормах гражданского законодательства об исполнении обязательств. Елизавета Владимировна предлагает изменить норму, изложенную в абзаце автором статьи 309 ГК РФ, закрепив её следующим образом: «Условиями договора может быть предусмотрено исполнение возникающих из него обязательств без участия сторон, но на основании заранее выраженного ими согласия автоматизировано с использованием децентрализованной распределённой информационной системы (автоматизированное исполнение обязательства)». Так же, Елизавета Владимировна в диссертации представляет 10 мер защиты сторон смарт-контракта [6, с. 106].

Как мы видим из вышеописанного, смарт-контракты неторопливо внедряются в сферу гражданского оборота. Они активно применяются в купле-продаже криптовалют, но не исключено, что данную технологию станут внедрять и в другие общественные сферы, в самые неожиданные. Существуют разные теоретические подходы к правовой природе смарт-контрактов. Неизвестно, на сколько качественно разрешится данный пробел в отечественном законодательстве.

Список литературы

1. *Сомова Е.В.* Смарт-контракт в договорном праве. // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 2. С. 79-86.
2. *Лукоянов Н.В.* Правовые аспекты заключения, изменения и прекращения смарт-контрактов. // Юридические исследования. 2018. № 11. С. 35.
3. *Савельев А.И.* Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. 2016. № 3. С. 32-59.
4. *Ахмедов А.Я., Волос А.А., Волос Е.П.* Концепция правового регулирования отношений, осложненных использованием смарт-контрактов: Монография / Под общ. ред. А.А. Волоса. М.: Проспект, 2021. С. 224.
5. *Кванина В.В., Савенко Н.Е.* Детерминация смарт-контракта в гражданском обороте. // Частно-правовые (цивилистические) науки – 2022 - Т. 18. № 1 – С. 22-28.
6. *Зайнутдинова Е.В.* Смарт-контракт в гражданском праве : дис. ... канд. юрtd. наук: Новосибирск, 2022 г. С. 238.